

2208
30 АВГ 1983
СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

Сердца тетрадь передайте любимой

Есть люди, призванные служить связующим звеном между культурами разных народов. Поэта и переводчица Цецилию Бенциановну Бану к этому роду деятельности вела сама жизнь.

В конце двадцатых годов, еще будучи студенткой Киевских курсов востоковедения, приехала она в Среднюю Азию. Приехала практически в таджикском языке, а вышло так, что стала участницей закладки первых камней молодой социалистической культуры. Работала в первом учебном заведении для таджиков, сотрудничала в печати и на радио. Здесь впервые услышала она стихи и песни Абулькасима Лахути, иранского поэта-революционера, нашедшего вторую родину в Советском Союзе. Вскоре и сама встретилась с поэтом, верной ученицей и спутницей жизни которого оставалась до конца его дней.

Наряду с работой в области русского стиха и поэтического перевода трудилась она рядом с Абулькасимом Лахути. Вместе они переводили — впервые для таджикского театра — трагедии В. Шекспира. Но самые обильные плоды принесло их многолетнее сотрудничество делу взаимного обогащения культур — русской и таджикской.

В одном из своих писем Лахути свидетельствует: «Скажу откровенно, многое из тончайших оттенков русского языка — этого безбрежного моря — я сам не мог бы правильно понять. Их мне разъясняет Бану. Все переводы мы осуществляем вместе». Эта помощь позволила замечательному поэту впервые, и притом блестяще, воплотить на таджикском языке творения Пушкина, Грибоедова, Горького. В свою очередь талантливые переводы Бану открывали русскому читате-

лю яркое творчество Лахути и других современников. Наконец, было положено начало первому полному русскому переводу бессмертной поэмы Фирдоуси «Шахнаме».

«Шахнаме» занимает особое место в творческой биографии Ц. Б. Бану. Началось это в 1942 году. Время требовало слова-оружия. И вот в Душанбе выходит небольшая книжка «Алмазы доблести» на таджикском и русском языках: в нее включены стихи персидско-таджикских классиков — строки, мобилизующая, зажигающая сила которых проверена веками.

Главное место в сборнике отведено отрывкам из «Шахнаме». Составил его Лахути, перевела Бану. Так она впервые отважилась последовать совету А. М. Горького, который говорил ей о том, как мало еще раскрыта для русских читателей сокровищница

классической поэзии Востока и какая благодарная задача для переводчика работать над восполнением этого пробела.

Сам Лахути давно мечтал познакомить русского читателя с полным текстом творения великого гуманиста, воспевшего разум, мир, добро. Уже первый, вышедший в 1957 году, том академического издания вызвал многочисленные отклики. Впервые осуществлялась задача, окаявшаяся не под силу культуре Запада: существующие там с XIX века полные переводы поэмы не отражают чеканную форму подлинника.

В том же году ушел из жизни Абулькасим Лахути, редактор первого тома перевода, его инициатор и вдохновитель. Труд, завещанный поэтом, не был прерван. Увидели свет еще три тома поэмы, подготовленные переводчиком в сотрудничестве с

видными советскими учеными — покойным А. А. Стариковым, в дальнейшем с А. Н. Болдыревым и В. Г. Лукониным. Над двумя завершающими томами русской «Шахнаме» — пятым и шестым — Бану работает в соавторстве с поэтом В. Берзевым.

Немалое внимание на протяжении многих лет уделяет она также переводу образцов классической лирики — творений Омара Хайяма, Саади, Хафиза, Руми и других прославленных поэтов.

Ц. Бану и поныне продолжает труд сподвижницы большого поэта, так проникновенно сказавшего:

Сердца тетрадь, как умру,
передайте любимой,
Ей лишь хранить завещаю
наследье свое.

Работать над архивом музыки она начала в 60-е годы, когда было предпринято из-

дание первого полного собрания сочинений Лахути в оригинале. Работу над этим изданием Бану вела в сотрудничестве с Институтом языка и литературы им. Рудаки. После выпуска всех шести книг Бану приступила к постепенной передаче архива институту. За исключением небольшого количества рукописей (главным образом переводов из А. С. Пушкина), которые, по согласованию с поэтом, были переданы Пушкинскому дому, институту имени Рудаки сдан основной рукописный фонд, переписка с литературными и общественными деятелями. Немалый вклад внесен ею и в дело сбора воспоминаний о поэте.

Где бы ни оказалась Бану (она мать четырех детей и давно уже бабушка), ее окружают юные лица. То она увозит проезжающий через Москву Памирский молодежный ансамбль в Ивановку (колхоз под Звенигородом,

где протекало последнее десятилетие жизни поэта), и там, в деревенской школе, происходит празднично-яркая братская встреча, оставляющая неизгладимое впечатление. То с детьми в той же Ивановке инсценирует сценки с Ходжой Насреддином, то в Самарканде или Душанбе с соседскими ребятами ставит на таджикском языке пушкинскую «Сказку о рыбаке и рыбке», либо устраивает домашние концерты.

У Бану хранится газетная вырезка, датированная концом 1932 года. Это ее первый опубликованный поэтический перевод. Заслуженный работник культуры Таджикской ССР Ц. Б. Бану не расстается со многими творческими замыслами, в числе которых — будущая повесть о годах, проведенных рядом с поэтом Лахути.

Т. СПЕНДИАРОВА.